

УДК 316.64:364.054

DOI: 10.18799/26584956/2023/4/1692

Благотворительность: методология картографического исследования социального концепта и макетная демонстрация ее применения

А.А. Барышев✉, В.В. Кашпур, А.В. Губанов

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

✉ barishevnp@mail.ru

Аннотация

В связи с увеличением количества научно-исследовательских публикаций возникает потребность в компактных и экономичных формах репрезентации знания. **Цель:** разработка принципов картографического представления публикуемых в научных журналах исследований различных аспектов социальных концептов. В качестве тестируемого образца выбран концепт благотворительности по причине ярко выраженной неоднозначности его содержания и наличия у него целого ряда терминологических обозначений. **Методы:** фуколдианский анализ формации дискурса и теория взаимосвязи языковых, метальных и фактуальных форм социальных концептов. Для картографической репрезентации распределения значений и элементов концепта использовались пакеты прикладных программы PolyAnalyst и VoS. **Результаты:** обоснована необходимость координатной разметки в качестве основного атрибута картографической репрезентации социального концепта и показано ее отличие от сетевой визуализации; разработана методология определения координатных осей, обеспечивающих осмысленное чтение и понимание карты, на основе выявления линий напряженности дискурса рассматриваемого концепта; предложена и протестирована на материале благотворительности схема производства картографического обзора дискурса социального концепта; выявлены признаки прагматического поворота в изучении благотворительности, хорошо опознаваемые на ряде участков полученной репрезентации. Работа позволяет получать компактные репрезентации распределений элементов социальных концептов, формировать пулы их гомогенных значений для целей производства систематических обзоров, разработки планов научных исследований и определения направлений изменений соответствующих феноменов.

Ключевые слова: представление знания, социальный концепт, значение, благотворительность, филантропия, социальная картография, большие данные.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ (Приоритет-2030).

Для цитирования: Барышев А.А., Кашпур В.В., Губанов А.В. Благотворительность: методология картографического исследования социального концепта и макетная демонстрация ее применения // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – № 4 (51). – С. 138–151. DOI: 10.18799/26584956/2023/4/1692.

UDC 316.64:364.054

DOI: 10.18799/26584956/2023/4/1692

Charity/philanthropy: methodology for cartographic research of a social concept and a mock-up demonstration of its application

A.A. Baryshev✉, V.V. Kashpur, A.V. Gubanov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian federation

✉ baryshevnp@mail.ru

Abstract

In response to the growing flow of research in the context of knowledge transforming into a powerful factor of social change, there is a need for compact and economical forms of knowledge representation. The aim of this work is to develop principles for a cartographic representation of studies of various aspects of social concepts published in academic journals. The concept of charity/philanthropy was chosen as a test sample due to the pronounced ambiguity of its content and the presence of a number of its terminological designations. The methodological framework of the study is represented by the Foucauldian analysis of discourse formation and the theory of relationship between linguistic, mental and factual forms of social concepts. For a cartographic representation of distribution of meanings and elements of the concept, the PolyAnalyst platform and the VoSViewer software tool were used. The authors obtained the following results: (1) substantiated the presence of a coordinate markup as the main attribute of the cartographic representation of a social concept, and shown its difference from network visualization; (2) developed the methodology for determining the coordinate axes that ensure a meaningful reading and understanding of the map, based on identifying lines of tension in the discourse of the concept; (3) proposed the scheme for producing a cartographic overview of the social concept discourse and tested it using the example of charity/philanthropy; (4) identified the signs of a pragmatic turn in charity/philanthropy research; they are clearly identifiable in certain areas of the obtained map. The study makes it possible to obtain compact representations of distributions of elements of social concepts, to form pools of their homogeneous meanings for producing systematic reviews, developing research plans and determining directions of changes in relevant phenomena.

Keywords: knowledge representation, social concept, meaning, charity, philanthropy, social cartography, big data

Acknowledgments: This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

For citation: Baryshev A.A., Kashpur V.V., Gubanov A.V. Charity/philanthropy: methodology for cartographic research of a social concept and a mock-up demonstration of its application. *Journal of wellbeing technologies*, 2023, no. 4 (51), pp. 138–151. DOI: 10.18799/26584956/2023/4/1692.

Введение: триада «концепт–институт (феномен)–термин»

Достаточно распространенное представление о том, что понятие тождественно социальному институту (в нестрогом виде – феномену), означает перформативную способность языка творить социальную реальность. В процессе этого творчества концепт какое-то время может не иметь четкого референта, поскольку последний еще только формируется «институционализирующими» практиками [1, с. 23].

Сам концепт (понятие) не тождественен своему словесному обозначению. При этом работа институционализирующих практик может опираться на разные вербальные обозначения концепта. Уже из этого следует, что представление о единстве терминов, концептов и фено-

менов справедливо только применительно к абстрактной теории, в составе которой различия «языковых, и ментальных, и фактуальных форм» [2, с. 21] ее предмета актуальны только в силу допущения наличия различных уровней его существования. В реальном историческом процессе термины, понятия и феномены существуют относительно самостоятельно, что приводит к переименованиям институтов, отрыву их от когда-то выражавших их понятий и смене концептами своих терминологических определений. Причина такого положения состоит в том, что за создание социальных понятий ученые «отвечают» в последнюю очередь, поскольку оно происходит в сложных интеракциях множества акторов.

Данная статья не претендует на полное описание взаимоотношений всех элементов названной триады. Реальные социальные процессы создания, заимствования, функционирования и исчезновения институтов оставлены здесь за скобками, без специального анализа отношения к ним авторов исследуемых статей. Задача данной работы – обосновать методологию изучения взаимоотношений концептов и терминов, которые дают им наименования, определения и контексты в потоке массового научного производства. Эти взаимоотношения формируют различные значения концептов, которые в современных условиях трудно фиксировать традиционными методами, поэтому требуется обращение к технологиям больших данных для извлечения информации обо всей научной продукции, имеющей отношение к анализируемому концепту, и обеспечения емкой репрезентации получаемого знания о метаморфозах и трансформациях его значений. Отвлечение на данном этапе от «реальных» процессов изменений в «самих» социальных феноменах вполне оправдано, поскольку они так или иначе производятся с участием публичной речи, хотя и предполагают присутствие и непубличных факторов – авторских замыслов, невербализуемых этнометодологий и т. п., требующих для своего понимания эмпирических исследований.

Ниже осуществлена попытка сформулировать основные положения предлагаемой методологии и представить открывающиеся при ее применении эвристические возможности.

От определений понятий к распределениям их текущих значений

Ситуация, когда концепт имеет много обозначений-сигнификаторов, представляется применительно к социальным дискурсам скорее нормальной, чем какой-то эксклюзивной. В связи с этим гораздо более сложной является ситуация, когда для выражения разных значений используется один и тот же термин. Тогда в случае конфликта разных значений приходится прибегать к разного рода уточнениям, которые могут склеиваться с самим термином, порождая тяжеловесные гибриды (не просто «филантропия», а «радикальная филантропия»), осуществляющие сразу несколько функций. Например, в дополнение к выражению самого наличного института определяют и его отличие от института-оригинала (как в случае «демократия»/«суверенная демократия»). Представляется закономерным вопрос «Может ли понятие обойтись одним «идеальным» терминологическим обозначением?». Перевод этого вопроса на сам выражаемый понятием с помощью единственного сигнификатора институт порождает более простой вопрос-следствие – «Может ли социальный институт получить в результате долгих научных дебатов и практических действий по его приведению в соответствии со своим понятием свое единственное правильное определение?».

Для ответа на этот вопрос обратимся к разделению концептов на концепты-дескриптивы и концепты-проективы [2, с. 21]. Заложенная в последнем варианте вопроса ситуация предполагает существование концепта в качестве однозначного выражения тождественного самому себе социального феномена, который получил свое полное определение, которому не противоречит ни один из его аспектов. Такая ситуация представляется невозможной по двум причинам. Во-первых, для того чтобы она сформировалась как реальная, необходимо, чтобы всякая институциональная работа [3] «внутри» данного феномена полностью прекратилась, что исключено хотя бы потому, что люди склонны ошибаться, а в условиях изменений

внешней среды (или контекста – для концепта) они еще и предпринимают сознательные усилия для приспособления своего феномена-института к ее требованиям, то есть меняют его, и иногда существенным образом. Даже в этом достаточно тривиальном случае тождество института самому себе (своему определению) оказывается нарушенным, что по необходимости вызывает к жизни появление нового, пусть и гибридного, сигнификатора, способного отразить это «нарушение». В результате понятие данного института получает как минимум два обозначения: с учетом произведенного изменения и без его учета.

Вторая причина невозможности однозначного определения социальных институтов состоит в том, что все социальные феномены представляют собой «человеконасыщенные» образования. Таковыми выступают, например, «зеленая экономика», «инновационная экономика», «социальное предпринимательство», «технологическое предпринимательство», «Интернет», «ядерная энергетика» и т. д. Подобные образования, равно как и система благотворительной деятельности (в виде концепта «благотворительность»), не свободны от тех смыслов, которые присваивают им многочисленные гетерогенные акторы, обеспечивающие само существование этих феноменов. В результате они буквально наполнены внутренней борьбой за утверждение в самом понятии этих феноменов тех их конкретных значений, которые в наибольшей степени соответствуют позициям этих акторов. Поэтому значение, передаваемое сигнификатором, на основе которого строится официальная дефиниция понятия (и, следовательно, института или, что в данном контексте почти синонимично, социального феномена) помимо того, что требует больших экспертных, риторических, кооперационных, координационных и иных усилий для своего утверждения и поддержания, прямо предполагает возможность существования альтернативных «точек зрения» по поводу того, что считать правильным определением того или иного понятия/института/феномена. В результате концептуализация социальных феноменов выступает *политическим процессом* [4].

Отмеченная многозначность социальных концептов и связанное с ней присутствие властных отношений в ходе установления их значений оказываются непреодолимыми для классической науки, стремившейся к постижению единой «естественной» сущности всех вещей как к идеалу объективного исследования. Что же в настоящее время противопоставляется в социальной науке эссенциализму классики по части объективности? В наиболее общем виде ответ на данный вопрос представляется следующим: если сама множественность значений того или иного концепта выступает в качестве объективного факта, то объективное социальное исследование вместо неизменной и единственной сущности должно установить саму конфигурацию этой множественности. Иными словами, от определения истинного значения концепта оно переходит к выявлению распределения или рассеивания [5] его значений в конкретных условиях. Только после этого следуют вопросы динамики, то есть изменения взаимоотношений актуальных значений, задающих интегральный смысл изучаемого концепта. Однако эта проблематика выходит за рамки настоящей статьи, фокус которой направлен на выявление именно статического распределения значений концепта «благотворительность» в научной литературе в рамках заданного периода, передаваемых различными терминами. Для того чтобы приступить к решению названной задачи, необходимо зафиксировать следующее теоретическое положение, важное в методологическом плане для выстраивания дизайна исследования концептов, особенно в свете популярности в социальных науках в настоящее время методов социально-сетевого анализа и соответствующих сетевых репрезентаций рассматриваемых объектов: карта сетевого объекта не тождественна его сетевой визуализации. Попытаемся кратко обосновать это положение.

Отличие картирования объектов от их сетевых репрезентаций

В настоящее время для изучения сложных объектов сетевой природы при распределении их элементов по кластерам с гомогенными характеристиками [6] широко используется метод сетевого анализа (SNA). Полученные распределения называют картированием (mapping) некоего сложного объекта, состоящего, например, из мнений, высказываемых в Интернете по поводу того или иного актуального явления [7], или журнальных статей определенной тематики [8, 9].

Однако являются ли полученные в результате такого подхода визуализации сетевых связей картами в полном смысле слова? Они выступают изображениями самого объекта, который прежде всего есть сеть, но не картографическая репрезентация такой сети. Карты в отличие от изображений (абрисов, фотографий) содержат в себе легенду, позволяющую их «читать». Важнейший элемент легенды наряду с окраской и размером точек, представляющих тот или иной элемент, – направления в плоскости карты (например, «Север–Юг» и «Запад–Восток» на географических картах), передающие взаимную скоординированность узлов сети по определенному принципу. Важно, чтобы этот принцип задавался самим дискурсом концепта, то есть чтобы дискурс представлял собой автономную, самоорганизующуюся и самоограничивающуюся систему [10] или, согласно М. Фуко, формацию [5, 11].

В отличие от карты собственно дискурса для специальных исследовательских целей могут составляться *ad hoc* – картоподобные изображения [12], создаваемые для оценивания самого дискурса по разным критериям, например «Emergent/Structured – Consensual/Contested» [13, с. 11] или «Support/Opposition – Individual/Social» в сравнительном анализе дискурсов предпринимательского образования в Великобритании, Финляндии и США [14, с. 7]. Как же картировать дискурс концепта в его собственных координатных осях? Для ответа на этот вопрос необходимо сформулировать еще один тезис методологического порядка.

Координатные оси как линии внутренней напряженности объекта

Положение, относящееся к главной проблеме картирования, – построению координатных осей, рассмотрим сразу на материале интересующего концепта. Он представляет собой очень удобный случай для анализа внутренней напряженности концептов, поскольку имеет для своего выражения два сигнификатора, метафорическую природу которых нередко воспринимают сверхконкретизированно как суть самого концепта. Так, например, Yaacob и Ling, исследуя литературу по «charity sector» почти за 70-летний период, отмечают, что сектор «расширился за последние годы как в плане количества благотворительных учреждений (charities), так и в плане их расходов» [15, с. 22]. В качестве ключей для поиска в аннотациях и названиях статей выбраны «charitable behaviour», «charitable giving» и «donor behaviour», что соответствует восприятию «charity» как самого концепта, а не его (возможно одностороннего) наименования. В действительности термин «charity» существует как один из сигнификаторов для социального феномена, состоящего в поддержке на частной основе как людей, терпящих нужду или страдания, так и различных объектов (природных, культурных) путем безвозмездного предоставления средств (финансовых, материальных) или оказания непосредственной деятельной помощи для облегчения или преодоления их положения, считающегося ненормальным с точки зрения достигнутого уровня социального, экономического и нравственного развития.

В качестве других обозначений данного явления могут выступать «benevolence», «mercy», «philanthropy», «patronage», «voluntary service/volunteerism», однако сращивание с институциональными практиками и надежное укоренение в институтах наблюдается только у двух: у «philanthropy» и «charity». Эти сигнификаторы благотворительности нередко употребляются как синонимы, при этом они являются не просто нейтральными взаимозаменяемыми обозначениями, а концептуальными метафорами, несущими в себе историю своего происхождения.

Так, милосердие («charity») апеллирует к религиозным практикам облегчения страданий бедствующих, в то время как современная филантропия возникла в Америке именно как претендующий на научность проект, направленный на преодоление недостатков религиозного милосердия путем поиска способов искоренения самих причин бедствий и страданий – как «scientific philanthropy» [16]. Это историческое различие может не артикулироваться, обеспечивая параллельное хождение двух терминов, но может при определенных условиях и подчеркиваться, порождая внутреннюю дихотомию рассматриваемого концепта, который имеет смысл обозначать как «charity – philanthropy», что и обнаруживается нередко в литературе, когда в зависимости от контекста авторам приходится говорить то о «charitable philanthropy» [17, с. 328; 9, с. 71], то о «philanthropic charities» [18, с. 305].

Однако почему не договориться о едином словоупотреблении? Дело в том, что сам дискурс без всяких авторитетов, находящийся над ним, устанавливает обозначения формируемых им концептов. Закрепить за «charity» только «человеческое», неинституциональное значение невозможно, поскольку в мире уже существует множество «charities», действующих на организационной основе вполне успешно без ущерба для своей альтруистической миссии; в то же время приписывать «philanthropy» монопольное право на эффективность в работе не с отдельными случаями, требующими безвозмездной помощи, а с целыми их категориями – значит принижать уровень моральной ответственности благотворительных фондов и организаций. Соответственно, обнаруживаемая дихотомия выражает не альтернативность двух сигнификаторов благотворительности, а континуальное поле напряженности между двумя модальностями альтруистического поведения: между индивидуальной и институциональной ее коннотациями. В результате формируется линия «Индивидуальное–Институциональное», которая на англоязычной карте будет легендирована как «Individuals–Institutions». В результате получаем координатную линию, вдоль которой «растягивается» континуум значений единого концепта «charity–philanthropy».

Однако при всей при всей своей значимости линия «Individuals–Institutions» не в состоянии сплотить дискурс и обеспечить ограниченный (на основе фиксации конфигурации значений) на данный момент смысл концепта «благотворительность». Фиксация только основной дихотомии – это путь, ведущий к размыванию дискурса, поскольку, будучи «зажатым» между двумя противоположностями, дискурс «выдавливается» в бесконечное пространство метафоризаций и интерпретаций. В реальной жизни люди действуют далеко не как «буридановы ослы», в ожидании пока ученые или политики наведут мосты между противоположностями. Они действуют практически, «здесь и сейчас» соединяя то, что существует в теории и языке как взаимоисключающее. Вслед за практикующими акторами идут современные ученые, обобщая человеческий опыт соединения прежде несоединимого, такого как классические противопоставления индивидуального и коллективного, действия и структуры, тела и разума в разнообразных прагматических теориях, описывающих эти практики соединения несоединимого в «реляционных, материальных, процессуальных измерениях» их онтологий [19]. Хотя в исследованиях благотворительности «поворот к практике» еще не наблюдается в виде специальных статей, явным образом провозглашающих о его наступлении, он присутствует в самом дискурсе благотворительности, который обретает свою формационную автономию благодаря выдвижению оппозиции двух типов практик в качестве второго ограничивающего принципа. Эти типы (без теоретизаций, а чисто лингвистически) исчерпывающе обобщают способы, которыми можно *практиковать* благотворительность, в виде дихотомии «Helping–Giving», что подразумевает широкий диапазон видов помощи от простого человеческого деятельного участия до «закрытия проблемы» чисто финансовыми методами.

В результате можно сказать, что дискурс не только устанавливает интервал рассеивания формальных признаков своего предмета по линии индивидуальных и институциональных модальностей альтруизма (линия «Individuals–Institutions»), отвечая тем самым на «что-

вопрос» о самом социальном феномене бескорыстной поддержки бедствующих или нуждающихся, распределенном в социальном пространстве в виде самых разнообразных «charities» и «philanthropies»), но и наделяет его реальным существованием путем ограничения вариаций методов его действия (ответ на «как-вопрос») по линии «Helping–Giving».

Указанные линии, выставленные ортогонально, образуют координатный каркас дискурса благотворительности, соответствуя логике автономизации любого дискурсивного объекта, получающего определенность конфигурации своих значений в результате напряженного процесса совмещения в одном пространстве ответов на вопросы «Какой именно социальный феномен “вынашивается” дискурсом?» и «В чем состоит его “modus operandi”?».

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношении карты сетевого объекта и его сетевой визуализации на основе метрик SNA, можно сказать, что карта представляет собой благодаря имеющейся координатной сетке, построенной на основе существенных различий внутри самого объекта, интерпретативную схему результатов его сетевого анализа.

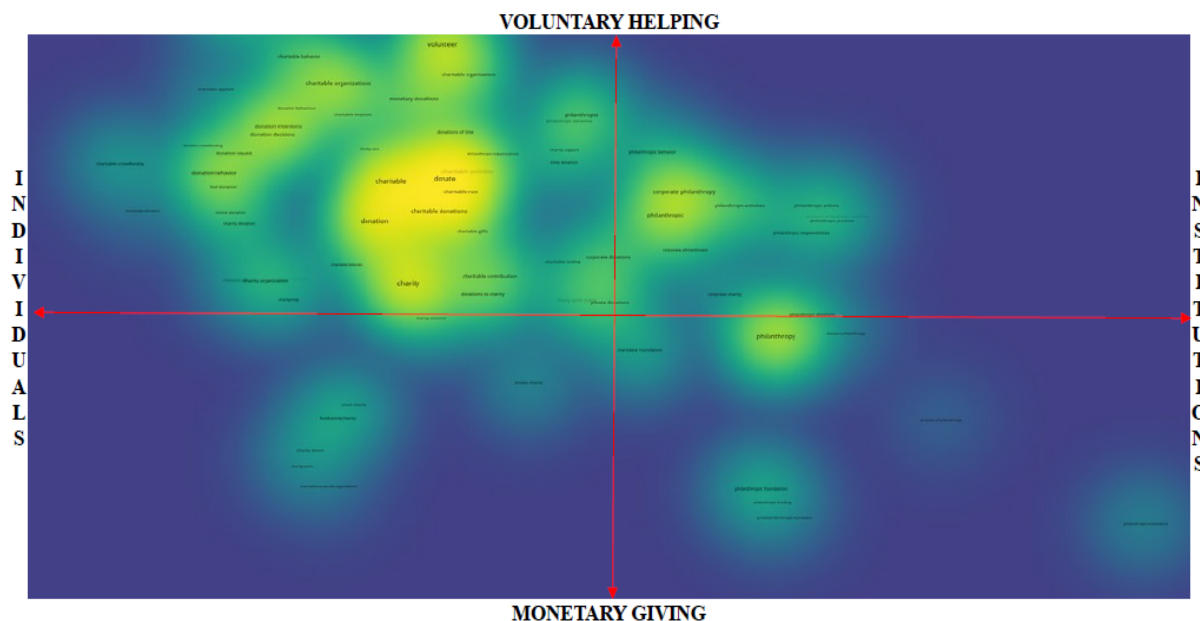
Макетное картирование распределения значений концепта благотворительности

Макет карты дискурса благотворительности строился на основе пула статей в рецензируемых англоязычных журналах, опубликованных в 2000–2021 гг. Формирование пула проводилось путем автоматизированного поиска в единой библиографической и реферативной базе данных рецензируемой научной литературы Scopus по высокорейтинговым журналам, публикующим материалы по тематике благотворительности, за 2000–2021 гг. с фильтрацией по областям *Social Sciences*, *Psychology*, *Economics*.

Поиск был ограничен корневыми морфемами лексем, реализующих значения социального концепта «благотворительность»: *donat**, *charit**, *volunteer**, **philanthro**. Общий объем пула составил 95 634 статьи, в которых человеко-машинным методом было выделено более 200 парных терминов (биграмм), способных претендовать на роль сигнификаторов различных аспектов благотворительности.

Обработка пула статей производилась с помощью аналитической платформы PolyAnalyst. Полученные данные далее использовались для построения взаимосвязей между выделенными парными терминами благотворительности на основании совместной встречаемости слов (word co-occurrence network). Для «укладки» сети на плоскости применялся инструмент VOSviewer (Visualization of Similarities). Затем сформированная «тепловая» карта встречаемости терминов растягивалась (чтобы «развести» по горизонтали «слипающиеся» в его центре переопределенные сигнификаторы (overdetermined signifiers) благотворительности – термины «charity» и «philanthropy» и их ближайшие деривативы – и получить координатную ось «Individuals – Institutions»). После этого определить положение на карте линии «Helping–Giving», обозначенной для лучшего понимания как «Voluntary Helping–Monetary Giving», не представляло большого труда, так как она легко угадывалась путем простого обзора полученной картины.

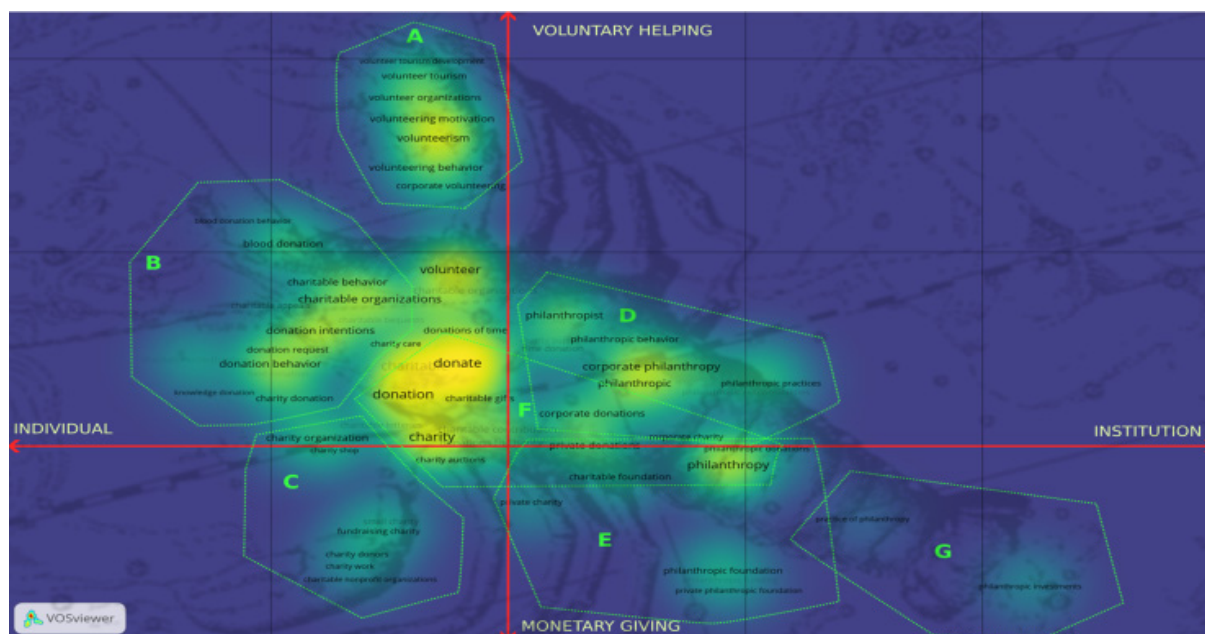
Приведенное на рис. 1 картографическое изображение является пока только макетом карты распределения значений концепта «благотворительность», так как предполагает ряд плановых доработок, включающих пополнение пула статей за счет: 1) расширения исходного словаря ключевых слов (путем включения, например, гибридных маркеров типа *eco-philanthropy* [20] и слов, маркирующих понятия, сигнификаторы которых не содержат указанных лексем, таких как *social entrepreneurship*, *third sector* и др.); 2) привлечения данных из других библиографических баз, таких как WoS, OpenAlex, EconLit, Sociological Abstracts и др.; 3) адаптации в пул источников нерцензируемых документов законодательного и нормативного характера.

Рис. 1. Макет карты распределения значений концепта «благотворительность»
Fig. 1. Layout of a map of distribution of the charity/philanthropy concept meanings

Возможности картографического анализа дискурса благотворительности

На основе полученного макета уже можно изучать различные части полученного распределения, базовые значения которых достаточно надежно удерживаются координатными осями (рис. 2).

Рис. 2. План картографического исследования
Fig. 2. Plan for a cartographic study

Так, в зоне А (а если в полученном изображении находить сходство с хорошо знакомым созвездием Рака, то – в «зоне правой клешни») наблюдаются значения, связанные с добровольной помощью, практикуемой посредством туризма, что позволяет не только удовлетво-

рять потребность в сострадании, но и познавать мир (рис. 3). Здесь обнаруживается ряд терминов, имеющих прямое грамматическое отношение к практикам добровольчества вообще (*volunteering*, *volunteer performance*) и к практикам туристического добровольчества в частности (заслуживает внимания нечитаемый при данном масштабе гибридный термин «volun-tourism», привносящий в процесс формирования новых значений элемент языковой игры).

Рис. 3. Зона А

Fig. 3. Zone A

Зона В может в «анатомических» терминах созвездия Рака быть обозначена как «зона чувствительности» (рис. 4). Присутствующие здесь термины имеют отношение к распознаванию намерений благотворителей, спонтанности или расчетливости их поведения, принятию ими решений, в том числе по поводу завещаний на благотворительные цели.

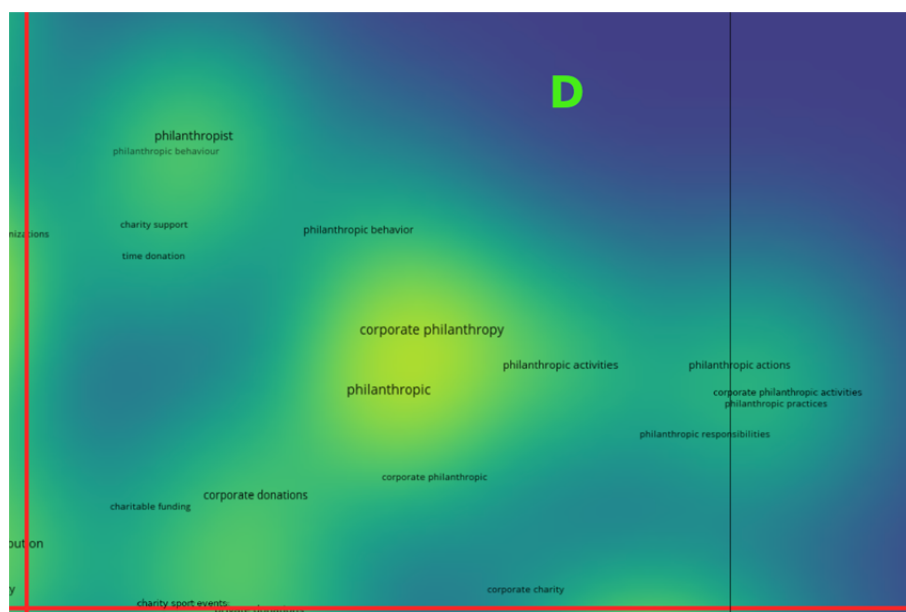

Рис. 4. Зона В – зона чувствительности

Fig. 4. Zone B – sensitivity zone

Зона F – это поле переопределенных (overdetermined) терминов, которые в силу своего частого и долгого употребления имеют широкое (минимально конкретное) значение, поэтому превращаются в атрибуты других более конкретных терминов (например, «charity» в словосочетании «charity donation»). В связи с этим нет необходимости в специальном-рассмотрении этой зоны с помещением ее увеличенного изображения на отдельном рисунке.

В зоне D (рис. 5), находящейся в квадранте «Voluntary Helping–Institutions», располагаются термины корпоративного сектора благотворительности. В представляемых этими терминами статьях еще не наблюдается «поворота к практикам» как осознанной исследовательской методологии. Поэтому нет здесь и специальных слов из словаря практик, таких как *routine, everydayness, rule-following, language game, form of life, habitus, commitment* и др., хотя есть «*philanthropic practices*» без введения для них особых наименований. Однако в единичном, непросматриваемом на макете, случае удалось зафиксировать неологизм «*philanthroping*» [21], чья герундиальная форма указывает на рутинизацию некоторых повседневных действий, требующих какого-то специального обозначения [22]. Зоны E и G (квадрант «Monetary Giving–Institutions») посвящены «подъему» больших денег и инвестициям в благотворительные проекты.

Рис. 5. Зона D – сигнификаторы корпоративного сектора благотворительности
Fig. 5. Zone D – signifiers of philanthropy corporate sector

Заключение

Представляется, что предлагаемая методология и макетная демонстрация ее возможностей являются основой для дальнейшей работы по созданию автоматизированного инструментария исследователей социальных концептов и феноменов. Это особенно актуально в свете стремительного развития новых практик благотворительности, включающих различные формы «digital donating», а также креативные методы оказания безвозмездной помощи, сочетающие собственные интересы волонтеров с их желанием участвовать в решении острых проблем общества, что способствует переводу филантропии в новый фрейм повседневности с его новым нарождающимся языком, провозвестником которого стал неологизм папы Франциска «*mercyng*» [23, 24], что можно перевести как «привычка к милосердствованию». Формирующийся язык практик (пока еще негибкий и в основном объект-ориентированный) обнаруживает себя в нодах (*philanthroping, corporate volunteering, corporate philanthropic activities/practices, philanthrocapitalism, venture philanthropy, donation of time, time/knowledge donation, body parts donation, charity sport events, volunteering, voluntourism*), образующихся в наиболее удаленных от центра частях картируемого дискурса, исследование которых может стать основой прагматического поворота в домене благотворительности.

Уже сейчас полученный макет позволяет видеть, хотя и в основных чертах, распределение значений концепта благотворительности, его представленность в различных сигнификаторах, применение которых не является просто техническим варьированием синонимическими обозначениями, но существенно влияет на смыслы образуемых понятий. Это хорошо почувствовали политики и ученые новых индустриальных стран, чьи институциональные практики создания организационных форм благотворительности столкнулись с проблемой нарастания их многозначности [25].

Собственно, такую же ситуацию имел в виду М. Фуко, когда говорил о «смутном страхе» перед лицом «грандиозного, нескончаемого и необузданного бурления дискурса» [26, с. 78]. Его пессимизм в отношении возможности овладения разрастанием дискурса может быть развеян хотя бы отчасти современным развитием методов картирования социальных концептов, поскольку картографические представления изучаемых социальных феноменов являются не только удобным и одновременно интерактивным (позволяющим организовывать коллаборацию ученых из разных дисциплинарных областей) методом анализа, но и инструментом доминирования над объектом [27].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикбов А.Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 432 с.
2. Канке В.А. Философия экономической науки. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 384 с.
3. Battilana J., D’unno T. Institutional work: actors and agency in institutional studies of organizations // *Institutional work and the paradox of embedded agency*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 31–58. DOI: 10.1017/CBO9780511596605.002.
4. Dey P., Steyaert C. Myth in social entrepreneurship research: an inquiry into rationalist, ideological and dialectic practices of de mystification // *Social Entrepreneurship. An Affirmative Critique* / Eds. P. Dey, C. Steyaert – Cheltenham, UK: Edward Elgar Publ. Ltd., 2018. – P. 100–126.
5. Кожемякин Е.А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право*. – 2008. – Вып. 3. – № 4 (44). – С. 5–17.
6. Барышев А.А., Сербина Г.Н. Возможности и перспективы систематического анализа исследований социальных феноменов: проблема обеспечения гомогенности значений концептов // *Большие данные и проблемы общества: сборник статей по итогам Международной научной конференции*. – Томск: Изд-во ТГУ, 2022. – С. 20–28.
7. Smith N., Graham T. Mapping the anti-vaccination movement on Facebook // *Information, Communication & Society*. – 2019. – V. 22. – № 9. – P. 1310–1327.
8. Ferreira J.J., Fernandes C.I., Kraus S. Entrepreneurship research: mapping intellectual structures and research trends // *Review of Managerial Science*. – 2019. – V. 13. – № 1. – P. 181–205.
9. Mental health and well-being of university students: a bibliometric mapping of the literature / D. Hernández-Torrano, L. Ibrayeva, J. Sparks, N. Lim, A. Clementi, A. Almukhambetova, Y. Nurtayev, A. Muratkyzy // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – V. 11. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01226>.
10. Baryshev A. The regional spectra for the entrepreneurial motives and the dissemination of entrepreneurs’ knowledge in the context of modern discursive formation of entrepreneurship // *Economic and Social Development. SPECIAL EDITION. Russian Regions in the Focus of Changes: XIV International Conference. Book of Proceedings*. – Varazdin, Croatia: Varazdin Development and Entrepreneurship Agency; Yekaterinburg, Russian Federation: Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University, 2019. – P. 154–161.
11. Фуко М. Археология знания. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2012. – 416 с.
12. Барышев А.А., Кашпур В.В. Анализ методов картирования социальных концептов // *Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии: VI Международная конференция «Казанские социологические чтения»: сборник научных трудов*. – Казань: Издательство КФУ, 2023. – С. 22–29.
13. Snow D.A. Elaborating the discursive contexts of framing: discursive fields and spaces // *Studies in Symbolic Interaction* / ed. by N.K. Denzin. – Leeds: Emerald Group Publ. Limited, 2008. – V. 30. – P. 3–28. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0163-2396\(08\)30001-5](https://doi.org/10.1016/S0163-2396(08)30001-5).
14. Erkkilä K. Entrepreneurial education: mapping the debates in the United States, the United Kingdom and Finland. – NY, London: Taylor & Francis, 2000. – 229 p.

15. Yaacob A., Ling G.J. A bibliometric analysis of 68 years of research on charitable giving // *International Journal of Modern Trends in Social Sciences*. – 2021. – V. 4. – № 15. – P. 21–42.
16. Bremner R.H. "Scientific Philanthropy," 1873-93 // *Social Service Review*. – 1956. – V. 30. – № 2. – P. 168–173.
17. Adam T. Transatlantic trading: the transfer of philanthropic models between European and North American cities during the nineteenth and early twentieth centuries // *Journal of Urban History*. – 2002. – V. 28. – № 3. – P. 328–351.
18. Morvaridi B. The politics of philanthropy and welfare governance: the case of Turkey // *The European Journal of Development Research*. – 2013. – V. 25. – № 2. – P. 305–321.
19. Claire C., Lefebvre V., Ronteau S. Entrepreneurship as practice: systematic literature review of a nascent field // *Entrepreneurship & Regional Development*. – 2020. – V. 32. – № 3–4. – P. 281–312.
20. Ellison K. The business of eco-philanthropy // *Frontiers in Ecology and the Environment*. – 2003. – V. 1. – № 7. – P. 396–396.
21. Igwe N. N., Nwadior E. Adapting corporate social responsibility programs to risk management: a model for multinational organizations in Nigeria // *European Journal of Business and management*. – 2013. – V. 5. – P. 17–24.
22. Барышев А.А., Кашпур В.В. Картирование концепта entrepreneurship на основе анализа лингвистических форм выражения новых значений // *Социальные практики и управление: проблемное поле социологии: материалы V Сибирского социологического форума с международным участием. Новосибирск, 28 октября 2022. – Новосибирск: НГУЭУ, 2022. – С. 153–159.*
23. Levine D. What Pope Francis brings to Latin America. Religion and democratic contestation in Latin America. – CLALS Working paper series. – 2016. – № 11. URL: https://figshare.com/articles/report/What_Pope_Francis_brings_to_Latin_America/23856105/1 (дата обращения 20.10.2023).
24. Bevens S.B. God of mercy, people of mercy: the year of mercy and the mission of the church // *Studia Universitatis Babeş-Bolyai Theologia Orthodoxa*. – 2017. – V. 62. – № 2. – P. 87–104.
25. Phaholyothin N. Moving beyond charity to philanthropy? The case of charitable giving in Thailand // *ASEAN-Austrian Journal of South-East Asian Studies*. – 2017. – V. 10.2. – P. 185–203.
26. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – С. 47–97.
27. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.

Информация об авторах

Барышев Алексей Андреевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии философского факультета, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. barishevnp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5905-7034>.

Кашпур Валерия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. valkashpur@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5701-9130>.

Губанов Александр Валерьевич, лаборант Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. derzhiairbuz@yandex.ru.

Поступила в редакцию: 25.10.2023

Поступила после рецензирования: 20.12.2023

Принята к публикации: 29.12.2023

REFERENCES

1. Bikbov A.T. *Grammatika poryadka: istoricheskaya sotsiologiya ponyatiy, kotorye menyayut nashu realnost* [Grammar of order: historical sociology of concepts that change our reality]. Moscow, HSE Publ., 2016. 432 p.
2. Kanke V.A. *Filosofiya ekonomicheskoy nauki* [Philosophy of economic science]. Moscow, INFRA-M Publ., 2009. 348 p.
3. Battilana J., D'ahunno T. Institutional work: actors and agency in institutional studies of organizations. *Institutional work and the paradox of embedded agency*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. pp. 31–58. DOI: 10.1017/CBO9780511596605.002.
4. Dey P., Steyaert C. Myth in social entrepreneurship research: an inquiry into rationalist, ideological and dialectic practices of de mystification. *Social Entrepreneurship. An Affirmative Critique*. Eds. P. Dey, C. Steyaert Cheltenham, UK, Edward Elgar Publ. Ltd., 2018. pp. 100–126.

5. Kozhemyakin E.A. Analysis of discourse as a dissemination system in terms of French philosophy of the second part of XX century (Michel Foucault, Michel Pecheux). *Belgorod State University. Scientific bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 2008, Iss. 3, no. 4 (44), pp. 5–17. In Rus.
6. Baryshev A.A., Serbina G.N. Vozmozhnosti i perspektivy sistematicheskogo analiza issledovaniy sotsialnykh fenomenov: problema obespecheniya gomogennosti znacheniy kontseptov [Prospects and opportunities for systematic analysis of studies on social phenomena: the problem of ensuring the homogeneity of concepts' meanings]. *Sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Bolshie dannye i problemy obshchestva* [Big data and problems of society. A collection of articles based on the results of the International Scientific Conference]. Tomsk, TSU Publ., 2022. pp. 20–28.
7. Smith N., Graham T. Mapping the anti-vaccination movement on Facebook. *Information, Communication & Society*, 2019, vol. 22, no. 9, pp. 1310–1327.
8. Ferreira J.J., Fernandes C.I., Kraus S. Entrepreneurship research: mapping intellectual structures and research trends. *Review of Managerial Science*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 181–205.
9. Hernández-Torrano D., Ibrayeva L., Sparks J., Lim N., Clementi A., Almukhambetova A., Nurtayev Y., Muratkyzy A. Mental health and well-being of university students: a bibliometric mapping of the literature. *Frontiers in Psychology*, 2020, vol. 11. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01226>.
10. Baryshev A. The regional spectra for the entrepreneurial motives and the dissemination of entrepreneurs' knowledge in the context of modern discursive formation of entrepreneurship. *Economic and Social Development. SPECIAL EDITION. XIV International Conference. Russian Regions in the Focus of Changes. Book of Proceedings*. Varazdin, Croatia, Varazdin Development and Entrepreneurship Agency; Yekaterinburg, Russian Federation, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University, 2019. pp. 154–161.
11. Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2012. 416 p.
12. Baryshev A.A., Kashpur V.V. Analiz metodov kartirovaniya sotsialnykh kontseptov [Analysis of methods for mapping social concepts]. *Tsifrovaya sotsializatsiya i tsifrovaya kompetentnost v usloviyakh globalnykh sistemnykh izmeneniy: tekhnologii regulirovaniya, riski, stsennariy: VI Mezhdunarodnaya konferentsiya. Kazanskie sotsiologicheskie chteniya. Sbornik nauchnykh trudov* [Digital socialization and digital competence in the context of global systemic changes: regulatory technologies, risks, scenarios: VI International Conference. Kazan Sociological Readings: collection of scientific papers]. Kazan, KFU Publ. House, 2023. pp. 22–29.
13. Snow D.A. Elaborating the discursive contexts of framing: discursive fields and spaces. *Studies in Symbolic Interaction*. Ed. by N.K. Denzin. Leeds, Emerald Group Publishing Limited, 2008. Vol. 30, pp. 3–28. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0163-2396\(08\)30001-5](https://doi.org/10.1016/S0163-2396(08)30001-5).
14. Erkkilä K. *Entrepreneurial education: mapping the debates in the United States, the United Kingdom and Finland*. NY, London, Taylor & Francis, 2000. 229 p.
15. Yaacob A., Ling G.J. A bibliometric analysis of 68 years of research on charitable giving. *International Journal of Modern Trends in Social Sciences*, 2021, vol. 4, no. 15, pp. 21–42.
16. Bremner R.H. "Scientific Philanthropy," 1873–93. *Social Service Review*, 1956, vol. 30, no. 2, pp. 168–173.
17. Adam T. Transatlantic trading: the transfer of philanthropic models between European and North American cities during the nineteenth and early twentieth centuries. *Journal of Urban History*, 2002, vol. 28, no. 3, pp. 328–351.
18. Morvaridi B. The politics of philanthropy and welfare governance: the case of Turkey. *The European Journal of Development Research*, 2013, vol. 25, no. 2, pp. 305–321.
19. Claire C., Lefebvre V., Ronteau S. Entrepreneurship as practice: systematic literature review of a nascent field. *Entrepreneurship & Regional Development*, 2020, vol. 32, no. 3–4, pp. 281–312.
20. Ellison K. The business of eco-philanthropy. *Frontiers in Ecology and the Environment*, 2003, vol. 1, no. 7, pp. 396–396.
21. Igwe N.N., Nwadior E. Adapting corporate social responsibility programs to risk management: a model for multinational organizations in Nigeria. *European Journal of Business and management*, 2013, vol. 5, pp. 17–24.
22. Baryshev A.A., Kashpur V.V. Kartirovanie kontsepta entrepreneurship na osnove analiza lingvisticheskikh form vyrazheniya novykh znacheniy [Mapping the concept of entrepreneurship based on the analysis of linguistic forms of expression of new meanings]. *Materialy V Sibirskogo sotsiologicheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem. Sotsialnye praktiki i upravlenie: problemnoe pole sotsiologii* [Social practices and management: problem field of sociology. Materials of the V Siberian Sociological Forum with international participation]. Novosibirsk, NGUEU Publ., 2022. pp. 153–159.
23. Levine D. What Pope Francis brings to Latin America. Religion and democratic contestation in Latin America. *CLALS Working paper series*, 2016, no. 11. Available at: https://figshare.com/articles/report/What_Pope_Francis_brings_to_Latin_America/23856105/1 (accessed 20 October 2023).
24. Bevans S.B. God of mercy, people of mercy: the year of mercy and the mission of the church. *Studia Universitatis Babeş-Bolyai Theologia Orthodoxa*, 2017, vol. 62, no. 2, pp. 87–104.
25. Phaholyothin N. Moving beyond charity to philanthropy? The case of charitable giving in Thailand. *ASEAS-Austrian Journal of South-East Asian Studies*, 2017, vol. 10.2, pp. 185–203.

26. Fuko M. Poryadok diskursa [The order of discourse]. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works from different years]. Moscow, Kastal Publ., 1996. pp. 47–97.
27. Latur B. *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action: following scientists and engineers within society]. St. Petersburg, Publishing house of the European University in St. Petersburg Publ., 2013. 414 p.

Information about the authors

Aleksey A. Baryshev, Cand. Sc., Associate Professor, Senior Researcher, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. barishevnp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5905-7034>.

Valeriya V. Kashpur, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. valkashpur@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5701-9130>.

Alexander V. Gubanov, Laboratory Assistant, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. derzhiarbuz@yandex.ru.

Received: 25.10.2023

Revised: 20.12.2023

Accepted: 29.12.2023